

18+

Адель Стил

Пластика чувств

«Автор»

2026

Стил А.

Пластика чувств / А. Стил — «Автор», 2026

Она не верит в любовь. Он не верит в случайности. Их встреча в клинике должна была стать обычной. Но гроза, кофе, мистическая музыка и его настойчивость меняют всё. #Ева пытается спрятаться за маской холодного администратора, но он видит её насквозь. Когда прошлое оживает, а настоящая опасность угрожает им обоим, им придётся сделать выбор: продолжать убегать или наконец довериться друг другу...

© Стил А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	8
Глава 4	9
Глава 5	11
Глава 6	14
Глава 7	16
Глава 8	18
Глава 9	20
Глава 10	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Адель Стил

Пластика чувств

Глава 1

Утром я уже знала, что у нас новый хирург. Девочки скинули в общий чат его фото с какой-то конференции: «Вы только посмотрите, какой красавчик». Я тогда подумала — ну, красивых мужчин много, это ничего не значит.

Клиника пластической хирургии, в которой я работаю старшим администратором, место тихое и дорогое. У нас мягкий свет в холле, стерильный запах, который я уже перестала замечать, и пациенты, которые платят такие суммы, что лучше не переспрашивать.

Я пришла, включила компьютер, начала отвечать на сообщения. Стандартные вопросы, запись на консультации, пара конфликтных — всё как обычно.

И в какой-то момент я услышала, как открылась дверь.

Я подняла голову.

Он заходил в приёмную — высокий, крупный, дорого одет. Лицо приятное. Очень приятное. Я на секунду зависла, но быстро взяла себя в руки.

— Доброе утро. — Он заметил мой бейджик. — Ева, очень приятно. Я новый хирург.

— Очень приятно, — ответила я, вставая. — Я провожу вас.

Я показала ему, где находится комната отдыха, где можно переодеться, где шкафчики для личных вещей. Он слушал внимательно, кивал, но вопросов не задавал.

— Здесь обычно обедаем и сидим в свободное время, — сказала я напоследок.

— Спасибо, — ответил он. Коротко. По-деловому.

Я вернулась на ресепшн и продолжила утренние дела. Минут через пять он позвал меня из коридора:

— Ева, покажите, пожалуйста, моё рабочее место.

Я вышла из-за стола. Коридор между кабинетами был выложен плиткой, и каблучки моих любимых босоножек стучали громко, отчётливо. Сегодня я впервые надела их в этом сезоне — удобные, красивые, в них можно простоять весь день, и ноги ни капли не устают.

— Это Ваш кабинет. — сказала я, подходя к двери.

Он заглянул внутрь, кивнул.

— Спасибо.

День прошёл как обычно. Пришла моя подруга-коллега — она работает медсестрой в перевязочной — мы вместе поели в комнате отдыха, много смеялись. Пациентов было не слишком много, и к вечеру я чувствовала небольшую усталость.

Ближе к шести началась гроза. Никто её не ждал: утром синоптики обещали сухой день. За окном быстро стемнело, первые крупные капли ударили по стеклу. Зонтика у меня с собой не было.

К восьми вечера клиника почти опустела. Помощницы ушли. Медсёстры разошлись. Остались только я на ресепшне, уборщица с ведром в конце коридора — и он.

Новый хирург не торопился. Он сидел в своём кабинете и долго с кем-то разговаривал по телефону — я слышала приглушённый голос сквозь дверь.

Я закрыла смену, заполнила отчёты и заказала такси.

Такси не ехало. Дождь становился всё сильнее. Я написала в чат поддержки, перезаказала — тишина.

Позвонила подруга:

— Ну что, приедешь ко мне?

— Не знаю, — вздохнула я. — На улице ужасная погода, а в такси не хотят брать мой заказ.

Я положила трубку и уставилась в экран.

В этот момент дверь кабинета открылась. Он вышел в коридор и подошёл ко мне.

— Ева, в какую сторону вам ехать?

— В центр, — ответила я.

— Давайте доделывайте всё, я подожду. Нам по пути, подброшу вас.

Я посмотрела на него. Взгляд спокойный, предложение звучало как обычная вежливость. Ни намёка, ни лишней улыбки.

— Хорошо, — сказала я. — Спасибо.

Мы почти выбежали из офиса — под козырёк, а потом под зонт, который он раскрыл над нами. До машины было пять шагов, но мы успели промокнуть оба.

Машина оказалась небольшой, но очень новой. Я села на пассажирское, положила сумочку на колени, поправила платье — длинное, облегающее. Босоножки тихо стукнули друг о друга.

Салон был тёплым. И пахло в нём так, что я почти вслух сказала «обожаю». Табак и ваниль. Этот запах для меня пахнет уютom, домом, дорогой роскошью, которую я позволяю себе по мелочам.

Он сел за руль. Даже не проверил зеркала. Просто положил левый локоть на подоконник, правой рукой взялся за руль — и мы поехали. Мягко. Вальяжно. Как будто у него не было никаких причин спешить.

— Как давно работаешь в клинике? — спросил он, не глядя на меня.

— Достаточно, чтобы знать все запасные выходы, — ответила я.

Он усмехнулся уголком губ.

— Нравится?

— Если бы не нравилось, я бы давно уволилась. Я не из тех, кто сидит на одном месте просто ради того, чтобы сидеть.

— Знаю, — сказал он спокойно, будто мы давно знакомы.

Я посмотрела на него. Дождь хлестал по стеклу, дворники смахивали воду спокойно, без суеты. Он вёл машину правой рукой — красивая мужская рука. Профиль — будто с рекламы дорогого виски. И я подумала: «Боже, какой же он красивый. Просто как картинка. И сидит сейчас рядом. Странно».

Потом он включил музыку. Тягучую, мистическую. С нотками чего-то такого, от чего мурашки идут не по спине, а куда-то глубже — под кожу, в живот, в кончики пальцев. Я узнала это чувство. Это была моя музыка. Та, которую я включаю, когда хочу остаться одна, зажечь свечу и ни о чём не жалеть.

Я не спросила, что это. Просто улыбнулась в окно.

Один раз он повернул голову и посмотрел на меня. Всего на секунду. Наши взгляды встретились в полумраке салона, подсвеченного только кнопками на панели. Он ничего не сказал. Я — тем более.

Мы ехали молча. И мне почему-то совсем не хотелось, чтобы эта дорога заканчивалась. Машина остановилась у подъезда подруги.

— Спасибо, что подвезли, — сказала я, открывая дверь.

— Не за что, — ответил он. — Завтра тоже будет дождь. Возьмите зонт.

Я обернулась. Он смотрел прямо. В полумраке салона я не разбирала выражение его глаз.

— Обязательно, — сказала я и вышла.

Дверь захлопнулась. Машина не тронулась, пока я не скрылась в подъезде.

Глава 2

Я поднялась на третий этаж и нажала на звонок. Дверь открылась почти сразу — Ленка в домашних штанах и с полотенцем на голове.

— Заходи, вся мокрая! — она отступила в сторону. — Я тут чай заварила и пирожное купила, твое любимое.

Я разулась, прошла на кухню, села на табуретку. Ленка уже суетилась у плиты, заваривала вторую кружку.

— Ну что, такси в итоге доехало? — спросила она, не оборачиваясь. — Сколько отдала?

— Тысячу, — соврала я. — Дорого, но хоть не под дождём стояла.

— Кошмар, — Ленка покачала головой и поставила передо мной кружку. — Эти ваши вечные грозы. Ладно, главное, что ты здесь.

Она села напротив, отхлебнула чай и вдруг посмотрела на меня с интересом.

— Слушай, а у вас в клинике, говорят, новый хирург появился? Я видела в чате, девочки кидали. Ну, как он? Нормальный?

Я сделала глоток. Горячо.

— Не знаю ещё. Как врач — не знаю. По общению вроде нормальный.

— А по виду — да, — Ленка мечтательно закатила глаза. — Я такое фото видела Ладно, я к чему. Я давно хотела тебе сказать. Думаю про живот. Ну, пластику. Подтяжку там или липосакцию — не знаю ещё. Присмотрись к нему, а? Ты же старший администратор, всё про всех знаешь. Скажешь потом — нормальный хирург или нет.

— Присмотрюсь, — спокойно ответила я.

Ленка допила чай и вдруг наклонилась ближе.

— Ева, а чего ты какая-то странная? Вроде улыбаешься, а глаза Не знаю. Что-то случилось?

— Да ничего, — я пожала плечами. — Устала просто. Гроза эта. И смена длинная.

Ленка посмотрела на меня секунду, но допрашивать не стала. Она вообще умела вовремя останавливаться.

— Ну ладно. Давай есть пирожное, я сериал включила, там такое сегодня.

Я улыбнулась и ничего не рассказала. Ни про машину, ни про запах табака и ванили, ни про музыку, от которой мурашки по спине. И уж тем более — ни про то, как он сказал «возьмите зонт» и ждал, пока я зайду в подъезд.

Всё это осталось в салоне его машины. И пока — только там...

Глава 3

Тот день запомнился мне надолго. Не потому, что случилось что-то важное. А потому, что не случилось ничего.

Был какой-то праздник — я уже не помню какой именно. Другие врачи не работали. Из персонала — только я, дежурная медсестра Наташа и он. Уборщица должна была прийти только к вечеру.

Утром отключили свет. Не во всей клинике, но в нашей части — точно. Компьютеры не работали, запись не велась, телефон молчал. На улице с утра зарядила гроза — такая же внезапная, как в тот первый раз, только без ветра. Тяжёлые капли били по окнам, и в холле стало темно, хоть глаз выколи.

— Бесплезный день, — сказал он, выглядывая в коридор. — Ни пациентов, ни света, ни звонков.

— Зато тихо, — ответила я.

Мы сидели в ординаторской — маленькой комнатке с диваном, чайником и старым холодильником. Наташа предложила заказать доставку, потому что в столовой тоже ничего не работало без света. Потом ей позвонили — кажется, по семейным делам — и она сказала:

— Я на час отойду, ладно? Вы тут сами. Если что — звоните.

Она ушла. Мы остались вдвоём.

Дождь шумел за окном. В ординаторской горели только фонарики телефонов. Свет был жёлтым, тёплым. Он сидел на диване, я — на стуле напротив.

— Где ты работала до этого? — спросил он.

— В обычной стоматологии, но там было шумно.

— А здесь?

— Здесь тише и люди другие.

Мы говорили о работе, о графиках, о том, как устаём к концу недели. Самый обычный разговор. Такой же, как если бы на его месте была Наташа или любая другая коллега. Ничего личного.

Потом он спросил:

— Кофе будешь?

— Я пью только горький. Американо, без сахара, без молока.

Он замер на секунду.

— Серьёзно?

— А что такого?

— Ничего, — он усмехнулся. — Просто я тоже какое-то время пил такой кофе, помогло бросить курить.

Я подняла бровь.

— Ничего себе. Я именно поэтому его и стала пить. Тоже помогало.

Он посмотрел на меня с таким выражением, будто я сказала что-то невероятное. Не удивление. Скорее — лёгкий шок. Как будто он только что понял, что красивая девушка, которая сидит перед ним в полумраке ординаторской, когда-то курила. И бросила. Так же, как он.

— Неожиданно, — сказал он тихо.

— Почему? — спросила я.

Но он не ответил. Только улыбнулся и пошёл искать кофе.

Мы выпили по кружке. Поговорили ещё минут двадцать. Наташа вернулась, и день покатился дальше — скучный, серый, бесполезный.

Но что-то в нём изменилось. Я не придала этому значения.

Глава 4

Через несколько дней наши смены снова совпали.

Утром я сидела на ресепшене. Рядом со мной устроилась новенькая стажёрка — скромная, тихая девочка. Я показывала ей, как работать с программой, как отвечать на звонки, как записывать пациентов.

Потом меня позвали в соседний кабинет — разобрать какой-то вопрос по телефону с постоянным клиентом. Я вышла на десять минут. Когда вернулась, на ресепшене, рядом с клавиатурой, стоял стакан кофе — в бумажном стакане, как мы обычно предлагаем пациентам. Я посмотрела на стажёрку.

— Это ты пациенту кофе сделала?

— Нет, — она покачала головой. — Это хирург принёс.

— Какой хирург?

— Новый. Который в 7 кабинете. Пришёл, поставил и ушёл, ничего не сказал.

Я посмотрела на стакан. Горький американо без сахара, без молока.

Я не стала его пить. Я вообще не пью ничего, если не уверена, от кого и зачем. Поставила в сторону и забыла.

День шёл своим чередом. Звонки, пациенты, вопросы. К обеду я чувствовала, что меня вырубает. Голова тяжёлая, глаза слипаются.

Он подошёл ко мне, когда на ресепшене никого не было.

— Что с тобой? — спросил он. — Ты какая-то уставшая.

— Да вот, — я потёрла переносицу, — соседи ночью шумели, не спала нормально. А утром кофе дома закончился, а кофейня рядом с домом как назло не работала. Вот и хожу сонная.

— Так я же тебе кофе с утра принёс, — он нахмурился. — Ты не пила?

Я подняла голову.

— Какой кофе?

— Я принёс. Поставил на ресепшен. Тебе не передали?

Я перевела взгляд на стакан, который так и стоял с утра нетронутый.

— Это вы принесли? — я удивилась. — Я видела кофе, но не знала, от кого. Я не пью, когда не уверена. Вдруг кто-то чужой поставил, мало ли.

Он посмотрел на меня долгим взглядом — не обиженно, а скорее с какимто новым любопытством.

— Хорошо, — сказал он спокойно. — В следующий раз я буду делать это максимально лично. Чтобы ты знала — от меня. Не через кого-то.

Он развернулся и ушёл в свой кабинет.

Я осталась сидеть. Стакан так и стоял на столе. Я смотрела на него и не могла понять одного: с какого перепуга он принёс мне кофе?

Мы не друзья, не приятели. Просто коллеги, которые пару раз перекинулись фразами и один раз оказались в одной машине из-за грозы.

Я продумала это весь день. На обеде. Между звонками. Когда закрывала смену.

К вечеру я решила: это просто красивый жест. На работе такое бывает. Коллеги приносят друг другу кофе, угощают сладостями, желают хорошего дня. Ничего личного, просто человеческое внимание.

Я успокоилась на этом и пошла домой.

Но почему-то всю дорогу я вспоминала его слова: «В следующий раз я буду делать это максимально лично».

И в этом было что-то такое, от чего по спине побежали мурашки. Те самые, как от той музыки в машине.

Глава 5

После того вечера наши смены долго не совпадали. У него — свой график операций, у меня — ресепшн, отчёты, пациенты. В клинике мы пересекались, но мельком. Кивнул. Я кивнула. Всё.

Полторы недели пролетели незаметно.

А потом в один день я прибежала на работу, и всё пошло кувырком. Ещё с порога — три пропущенных от клиентов, два звонка от курьерской службы, и в чате кто-то написал, что запись на консультацию слетела. Я даже не успела раздеться нормально — бросила сумку, включила компьютер, начала отвечать.

Утро съело меня целиком. Звонки, письма. Капризная пациентка, которая требовала пересчитать ей стоимость операции заново. Курьер с документами заблудился. Врач из соседнего кабинета просил передвинуть его приём.

Мы не виделись весь день. Он был в операционной, потом в кабинете. Я — на ресепшн, в переговорной, с документами. Клиника гудела, как улей, и я просто делала свою работу.

К вечеру затихло, пациенты разошлись. Я доделывала отчёты, когда из коридора послышались шаги.

Я подняла глаза.

Он шёл мимо ресепшн. Остановился. Посмотрел на окно, потом на меня.

— А сегодня солнце, — сказал он. Просто, без улыбки.

Я выглянула на улицу. Действительно, после трёх дней дождя наконец выглянул свет.

— Давно пора, — ответила я и снова уткнулась в монитор.

Он ушёл. Я дописала отчёт и тоже начала собираться.

Так и жили. Он — новый хирург, я — старший администратор. Ничего личного.

Прошёл месяц. Может, чуть больше...

Он взял дополнительные смены — я слышала, как главный врач благодарил его за это. У меня уволилась сменщица, и я тоже стала работать почти каждый день. Мы чаще оказывались в клинике одновременно, но общение ограничивалось рабочими фразами.

Никто никого больше не подвозил. Гроз больше не было.

Но я начала замечать странное. Не сразу, сначала не придавала значения, а потом насто- рожилась.

Иногда, когда я поднимала голову, он уже смотрел на меня — не в упор, а так, будто задумался и взгляд упал случайно. Но пауза длилась на секунду дольше обычного.

И голос... Когда он обращался ко мне, интонация становилась чуть ниже, чуть медленнее, чем с другими. Я списала бы это на усталость, но с остальными он говорил быстрее и ровнее.

«Может, я что-то не так делаю по работе? — подумала я однажды. — Проверяет, наверное. Новый хирург, хочет, чтобы всё было идеально».

Я решила не заморачиваться.

В тот день в комнате отдыха ко мне подошла Лида — сотрудница со второго этажа. Жен- щина лет под сорок, всегда с идеальной укладкой и вечно недовольным лицом. Одинокая, завистливая, и все в клинике знали, что она уже месяц пытается привлечь внимание нашего нового хирурга. То кофе ему принесёт не вовремя, то в кабинет заглянет «по ошибке».

— Ева, — она встала напротив, скрестив руки на груди, — можно тебя на секунду?

Я отложила телефон.

— Слушаю.

— Ты, конечно, самая красивая тут у нас, — Лида криво улыбнулась, — и нашла чем нашего нового хирурга зацепить. Хочешь его вниманием завладеть, да?

Я посмотрела на неё спокойно. Ни капли смущения, ни тени вины.

— С чего вы взяли?

— Я видела, как он на тебя смотрит, — Лида понизила голос, хотя рядом никого не было.

— Не надо тут прикидываться.

Я выдержала паузу. Ровно столько, чтобы она занервничала.

— Мне вообще всё равно. Если он вам нравится — ваше дело. Вы встречаетесь? Нет?

Ну и мне всё равно, честно.

Лида открыла рот, но я продолжила — мягко, но твёрдо:

— Вы ко мне с этим зачем пришли? Чтобы я сказала «да, мы тайно влюблены» или чтобы предупредить, что место занято? Ни то, ни другое не про меня.

Она сжала губы. Поняла, что ляпнула глупость. Что вообще не надо было ко мне подходить.

— Ладно, — бросила она и вышла, громко хлопнув дверью.

Я допила остывший чай и подумала: «Странная женщина. Придумала себе любовь, а теперь ищет врагов».

Я действительно не хотела его внимания. Пока не хотела.

Но где-то глубоко — совсем глубоко — я уже знала, что он смотрит не просто так.

А потом он начал приносить кофе. Каждое утро.

Он приходил ровно тогда, когда я уже сидела на ресепшене, а других сотрудников ещё не было. Клиника открывается в десять, остальные подтягиваются к половине десятого. А он приходил в девять десять, ставил передо мной стакан с горьким американо, кивал и уходил.

В первый день я не пила. Во второй — выпила из вредности. На третий поняла, что жду этого кофе.

— Не надо, — всё равно иногда говорила я.

— Надо, — отвечал он.

Он приносил кофе лично, потому что если бы просто ставил, я бы не взяла. Он знал это. И знал, что я не хочу сплетен, поэтому приходил, когда в холле никого не было. Однажды он принёс букет белых роз. Без записки.

— Убери, — сказала я.

— Не уберу.

Букет простоял на ресепшене три дня. Я смотрела на него, когда никто не видел. Даже понюхала раз — украдкой. Но домой не забрала. Сказала себе, что некуда ставить.

Через четыре дня он принёс другие розы. Я снова их оставила. На третий раз он перестал приносить цветы, но кофе остался.

Грозы не прекращались. Он ещё пару раз подвозил меня до дома подруги. В машине мы молчали или говорили о работе.

Один раз он заказал роллы на обед. Я точно знаю, что он их не любит, но он принёс большую коробку в комнату отдыха, положил себе пару кусочков, а потом пододвинул коробку ко мне: «Попробуй, мне всё равно не съесть». Я взяла один, потом второй, потом третий. Он смотрел, как я ем, и улыбался. Никто не заметил. Кроме Лиды. Та скривилась и вышла.

А потом он пригласил меня в кафе.

— Давай сходим куда-нибудь, например в выходные или после работы.

— Нет, — сказала я.

— Почему?

— У меня выходные загружены. Ты же видишь, я почти каждый день работаю. В выходной мне надо успеть на массаж, к косметологу, обратиться, постирать, продукты купить. Мне некогда ходить по ресторанам. И вообще — отношения мне сейчас не нужны. Я хочу заниматься работой и собой.

Он кивнул. Медленно.

— Понял, — сказал он.

Он не обиделся и не расстроился, а просто принял ситуацию и продолжал приносить кофе.

Глава 6

Весь день он искал повод подойти к ресепшену. Не потому, что нужно было что-то уточнить, а просто — он хотел быть рядом. Каждый раз он находил способ дотронуться до моей руки — так, чтобы никто из посторонних не заметил. Я начинала понимать, но не подавала вида.

К вечеру клиника опустела. Уборщица мыла полы в конце коридора. Он сидел в ординаторской,пил остывший кофе.

В 19:55 входная дверь снова открылась и зашла женщина в дорогом пальто и трясла телефоном.

— Здравствуйте, у меня запись на восемь!

— Добрый вечер! Секунду.

Я удивилась и начала проверять запись в программе.

— Вы записаны на завтра в 18.00.

— Не может быть! — женщина повысила голос. — Я точно помню, что сегодня на восемь!

— Извините, но клиника работает до восьми, а Ваша запись на завтра.

— Как вы вообще работаете до восьми? Все клиники работают до десяти! Я уже приехала, значит принимайте сегодня!

— Эта — нет, — отрезала я. — Мы будем Вас ждать завтра, сегодня к сожалению ничем не могу помочь.

Женщина ещё минуту возмущалась, но поняла, что спорить бесполезно. Развернулась и ушла, громко хлопнув дверью.

Я сидела за столом, сжав кулаки. Потом резко встала и быстрым шагом направилась в ординаторскую.

Он услышал меня за секунду до того, как я вошла.

Дверь открылась с силой. Я замерла посреди комнаты — не села, не прислонилась к стене. Просто стояла, тяжело дыша, и смотрела в одну точку.

— Ты представляешь? — начала я. — Она утверждает, что записана на восемь вечера. В клинику, которая работает до восьми. Я проверяю — она записана на завтра в 18.00. А она орёт, что мы должны её принять, потому что она «специально приехала».

Я прошла по комнате, развернулась.

Я говорила быстро, сбивчиво, почти выплёвывая слова. Не на него. На ту женщину. На всех, кто приходил с такими же претензиями. На тупые вопросы, на глупое упрямство, на бесконечное «я хочу к главному врачу».

— Они думают, мы тут рабы? — мой голос дрогнула. — Что мы обязаны им в ножки кланяться, потому что они заплатили деньги?

Я снова развернулась, прошла к окну, повернулась обратно. В глазах — злость, усталость, отчаяние.

— Я не могу больше это слушать каждый день.

Я замолчала. Стояла посреди ординаторской, растрёпанная, с горящими глазами, и дышала так, будто только что пробежала километр.

Он сидел на диване всё это время. Не перебивал. Смотрел на меня — такую живую, настоящую, не упакованную в профессиональную улыбку. И понимал, что хочет меня ещё сильнее.

Он встал. Я не заметила. Продолжала смотреть в пол, сжимая кулаки.

Он подошёл сзади. Я не обернулась.

— Зачем они приходят — прошептала я.

Он обнял меня со спины. Руки сомкнулись на моей талии — крепко, но не больно. Я вздрогнула. Попыталась обернуться, но он не пустил.

— Ты чего? — спросила я растерянно.

Он развернул меня к себе. Взял за плечи, прижал к груди. Я упёрлась ладонями ему в ключицы.

— Что ты делаешь? — повторила я.

— Не переживай, — сказал он тихо. — Это поможет.

И поцеловал.

Я не успела ответить. Не успела оттолкнуть. Губы накрыли мои — мягко, но настойчиво. Я замерла на секунду, потом попыталась вырваться.

— Пусти...

Он не пустил. Одна его рука скользнула выше, на шею. Пальцы легли на затылок — тёплые, уверенные. Он углубил поцелуй.

Я снова дёрнулась. Слабее.

— Ты... — выдохнула я в его губы.

Он не дал договорить. Целовал снова и снова. Медленно. Как будто смакуя.

Мои руки перестали упираться. Я не заметила, как они легли ему на плечи. Как пальцы вцепились в ткань рубашки. Как тело перестало сопротивляться.

Он чувствовал это. Как я таю. Как уходит напряжение. Как злость вытекает из меня с каждым поцелуем.

Его рука на шее поглаживала кожу. Большим пальцем водил вдоль позвонков — сверху вниз, сверху вниз. Я выдохнула. Громко. Судорожно.

Он отстранился. Посмотрел в глаза.

— Легче? — спросил он.

Я молчала. Глаза блестели. Дыхание сбитое.

— Я не знаю, — прошептала я.

Он улыбнулся уголками губ.

— Это нормально.

— Никто не узнает, — сказала я глухо.

— Никто, — согласился он.

Я подняла голову. Посмотрела на него долгим взглядом.

— Ещё раз так сделаешь — уволюсь.

Он усмехнулся.

— Не уволишься.

— Почему это?

— Потому что тебе понравилось.

Я хотела возразить, но не нашла слов. Вместо этого просто выдохнула и уткнулась обратно в его плечо.

А он закрыл глаза и почувствовал, как мои пальцы сжимают его рубашку чуть сильнее, чем нужно.

Глава 7

На следующий день он пришёл позже обычного. В пробку попал — или просто не рассчитал время. Когда вошёл в клинику, на ресепшене уже сидела не только я, но и Наташа — добрая медсестра, которая вечно была в своих мыслях и в наушниках.

Он поставил передо мной стакан с кофе и маленькую коробочку.

— Это что? — я подняла бровь.

— Пирожное. Попробуй.

Я открыла коробку. Розовое, аккуратное.

— Зачем?

— Такое же сладкое, как ты вчера, — сказал он тихо.

Я замерла. Сердце ухнуло куда-то вниз. Я быстро посмотрела на Наташу — та сидела в наушниках, смотрела в телефон и улыбалась чему-то своему. Не слышала.

— Ты с ума сошёл, — прошептала я. — Здесь же люди.

— Она в наушниках, — спокойно ответил он. — И вообще, это комплимент.

В этот момент Наташа подняла голову, сняла один наушник и улыбнулась нам обоим.

— Доброе утро! — сказала она.

— Доброе, — ответил он ровно.

Наташа снова уткнулась в телефон. Он бросил на меня короткий взгляд, усмехнулся и ушёл в кабинет.

Я выдохнула. Пирожное не съела.

Днём, когда пациентов не было, а врачи сменились — утренний уже ушёл, вечерний ещё не пришёл, — он вышел в холл.

— Ева, иди обедать, — сказал он. — Я закажу.

Я не стала отнекиваться. Устала. И есть хотелось.

Мы зашли в ординаторскую. Я села на диван, он — напротив, на стул.

— Что будешь? — спросил он, открывая приложение доставки.

— Куриную грудку, рис с овощами. И кофе, пожалуйста. Я очень хочу спать, плохо ночь спала.

Он поднял взгляд от телефона.

— Почему плохо? — в его голосе появилась лёгкая усмешка. — Не могла забыть, что вчера было?

Я посмотрела на него без тени смущения.

— А что вчера было? Что-то невероятное? Скандал с пациенткой? Я его надолго запомню.

Он усмехнулся.

— Ну ты как всегда.

Он заказал еду, отложил телефон. Посмотрел на меня внимательно.

— Ева, слушай. Может, теперь всё-таки сходим куда-нибудь?

Я открыла рот, чтобы ответить, но в кармане завибрировал телефон. Я посмотрела на экран. Скривилась.

— Извини, — сказала я и вышла из ординаторской.

Через минуту вернулась — злая, сжав губы.

— Та женщина, — сказала я, садясь на диван. — Которая вчера орала про запись на восемь вечера. Опять звонит. Опять ругается. Я ей уже всё объяснила, она не понимает. Требуется скидка за моральный ущерб.

— Серьёзно?

— Серьёзнее некуда.

Принесли доставку. Я забрала еду у курьера, вернулась в ординаторскую, поставила контейнеры на стол. Он ждал.

— Так на чём мы остановились? — спросил он.

— А на чём? — я открыла контейнер с рисом.

— На том, что я хочу с тобой сходить куда-нибудь. В ресторан. Или в кино. Куда ты захочешь.

Я отложила вилку.

— Я же тебе уже сказала, я не хочу сейчас никаких прогулок. Никаких отношений. Что непонятного?

— А чем тебе отношения со мной помешают? — он подался вперёд. — Наоборот, будет лучше. Я возьму на себя финансовую часть. Ты не будешь так сильно нуждаться в деньгах. Не придётся каждый день работать.

Я посмотрела на него так, будто он сказал что-то нелепое.

— Проблема не в деньгах, — сказала я чётко. — Я работаю каждый день, потому что работать некому. А не потому, что я нуждаюсь в деньгах.

Он молчал. Смотрел на меня. Внутри что-то закипало.

— Понятно, — сказал он сухо.

Встал, вышел из ординаторской. Не хлопнул дверью — закрыл тихо.

Я осталась одна. Смотрела на еду. Есть расхотелось.

Но я взяла вилку и начала жевать. Потому что не хотела, чтобы он думал, будто я расстроена.

Я не расстроена, а просто устала.

И не готова. Пока не готова.

А он ушёл и всю вторую половину дня не выходил из кабинета...

Глава 8

Он продолжал приносить кофе.

Каждое утро, ровно в тот час, когда в холле никого не было, кроме меня. Ставил стакан, кивал и уходил. Не говорил «доброе утро». Не спрашивал, как спалось. Не искал повода дотронуться до моей руки.

Я заметила это сразу...

В первые два дня я даже обрадовалась — думала, он наконец-то отстал. К третьему дню поняла, что обрадовалась зря.

Потому что в его глазах больше не было того лёгкого огня. Не было усмешки, с которой он говорил «такое же сладкое, как ты вчера». Не было той настойчивости, от которой у меня внутри всё переворачивалось.

Была пустота. Или нет — не пустота. Что-то другое. Тяжёлое, усталое.

Он не отступил. Он просто затих.

Я видела, как он проходит мимо ресепшена — опустил взгляд или глядя в телефон. Как заходит в кабинет и закрывает дверь. Как выходит только к пациентам и сразу возвращается обратно.

Я думала: «Так даже лучше. Меньше проблем. Меньше сплетен».

Но почему-то внутри было пусто.

Он не знал, что делать.

Он вообще впервые оказался в такой ситуации. Ему тридцать один. За его плечами были женщины — красивые, умные, разные. Но ни одна не заставляла его сердце биться так, как сейчас.

Он привык добиваться. Привык, что рано или поздно девушки сдаются. Привык, что его настойчивость — это вопрос времени.

Но я была другой.

Я не сдавалась, не велась на жесты. Не таяла от комплиментов. Я просто жила свою жизнь. Работала, уставала, злилась на пациентов. Плохо спала по ночам. И не пускала его внутрь.

Он не мог на меня злиться. Потому что понимал — я честна. Я не играю, не кокетничаю. Не делаю вид, что занята. Я действительно занята. И действительно не хочу отношений.

Но почему тогда он не может обо мне забыть? Почему каждое утро, когда он заходит в клинику, его сердце начинает биться быстрее ещё до того, как он меня увидит? Почему он считает минуты до того момента, когда можно будет выйти из кабинета под каким-нибудь предлогом и пройти мимо ресепшена?

Он не знал ответов.

Знал только одно: он влюбился. Впервые в жизни — по-настоящему. Не в красивую картинку, не в удобный вариант, не в ту, кто первой сделала шаг.

А в ту, кто не сделала ничего, просто была собой.

И это убивало его. Потому что он не привык проигрывать. Но и навязываться не умел.

Поэтому он просто приносил кофе. Каждое утро — как ритуал, как молитву, как единственный способ быть рядом, не переступая моих границ..

Он надеялся, что я замечу. Не кофе — а его настоящего.

Но пока я не замечала. Или делала вид.

На четвёртый день я не выдержала.

Он поставил кофе, развернулся и уже сделал шаг к кабинету, когда я сказала:

— Подожди.

Он замер. Обернулся.

— Что?

Я смотрела на него. В моих глазах — усталость, но не от работы. От чего-то другого.
— Ты почему такой? — спросила я.
— Какой?
— Не знаю. Молчаливый. Уходишь сразу.
Он пожал плечами.
— Думал, тебе так удобнее.
— Мне удобнее, — я отвела взгляд. — Но
Я не закончила. Потому что сама не знала, что хотела сказать.
Он ждал. Секунду. Другую.
— Что «но»? — спросил он тихо.
— Ничего, — я покачала головой. — Забудь.
Он не забыл. Он ушёл в кабинет, сел за стол и долго смотрел в одну точку.
«Она что-то чувствует, — подумал он. — Или просто привыкла к моему вниманию?»
Он не знал. Но впервые за несколько дней у него появилась надежда.

Глава 9

Он сидел в кабинете и смотрел в монитор, но не видел ни одной буквы.

Перед глазами была я — Ева. Которая каждое утро брала у него кофе, но отказывалась от цветов. Которая сказала «не нужны мне никакие отношения».

И рядом — Лида. Та самая медсестра с вечно недовольным лицом. Которая уже месяц пыталась привлечь его внимание. То зайдёт «по ошибке», то спросит что-то не по делу, то принесёт конфеты к чаю.

Он не обращал на неё внимания. И это её бесило.

«Парадокс, — думал он. — Та, которая сама лезет ко мне, мне не нужна. А та, которую я хочу, в упор меня не видит».

Он усмехнулся. Жизнь — странная штука.

В тот день Лида подошла к нему в коридоре. Огляделась — никого.

— Слушай, — сказала она вполголоса, — ты зря за ней ухлёстываешь.

Он поднял бровь.

— Это не моё дело, конечно, — продолжила она, — но ты хоть раз у неё дома был?

Он молчал.

— А я тебе скажу, почему она тебя не хочет. Потому что у неё муж. Да-да, — Лида кивнула, увидев его лицо, — не делай такие глаза. Ева замужем и живёт с ним. Поэтому она тебя и отшивает. Ты ей не нужен, у неё семья.

Он посмотрел на неё долгим взглядом.

— Откуда ты знаешь?

— Все знают, — Лида пожала плечами. — Просто ты новенький, тебе никто не сказал.

Она ушла, довольная собой. А он остался стоять в коридоре.

«Врёт, — подумал он. — Или завидует. Или хочет, чтобы я отстал от Евы и обратил внимание на неё».

Он не поверил. Но осадок остался.

Через несколько дней он начал замечать странное.

Утром у меня зазвонил телефон. Я посмотрела на экран, скривилась и вышла на улицу. Вернулась через пять минут — молчаливая, сжав губы.

Он спросил:

— Всё в порядке?

— Да, — ответила я. — Не обращай внимания.

Вечером — снова звонок. Я снова вышла. Вернулась ещё более мрачной.

На третий день я попросила Наташу посидеть на ресепшене, а сама вышла на улицу. И не возвращалась пятнадцать минут. Потом двадцать.

Он выглянул в окно. Я стояла у входа, прижав телефон к уху, и говорила что-то быстро, резко, жестикулируя. Потом нажала отбой и зашла в клинику.

Он увидел моё лицо и замер.

Красные глаза. Размазанная тушь. Я старалась держаться прямо, но руки дрожали. Прошла мимо ресепшена, не глядя ни на кого, и скрылась в коридоре.

— Ева? — позвал он.

Я не ответила.

Глава 10

Через некоторое время дверь клиники открылась снова.

Вошёл мужчина. Лет сорока, в дешёвой кожаной куртке, с тяжёлым взглядом. Он не обратил внимания на ресепшен — сразу направился в коридор.

— Ева! — крикнул он.

Хирург — напрягся. Сделал шаг к коридору.

В этот момент из подсобки выскочила Лида. Она быстро подошла к нему и зашептала, почти злорадно:

— Ну что, я же тебе говорила? Я говорила! Вот он, её муж. А ты не верил. Сейчас узнает про вас — начнётся мордобой. Нам потом директору объяснять, что здесь было.

Он не слушал. Он смотрел в коридор, куда ушёл тот мужчина.

Из туалета слышались голоса. Сначала глухие, потом громче. Мой голос — резкий, срывающийся:

— Хватит! Отстань от меня! Когда ты уже уйдёшь из моей жизни?!

Мужской голос — низкий, угрожающий — ответил что-то неразборчивое.

Он не выдержал. Шагнул в коридор, толкнул дверь туалета — она была не заперта.

Мужчина стоял напротив меня, почти вплотную. Я прижималась к раковине, сжав кулаки. В глазах — страх и злость одновременно.

— Выйдите, — сказал он ледяным голосом.

Мужчина обернулся.

— А ты ещё кто?

— Выйдите, — повторил он. — Она на работе. Нечего здесь семейные проблемы решать. Выйдете — поговорите дома.

Он взял мужчину за плечо. Тот дёрнулся, но он сжал пальцы сильнее.

— Я сказал — вышли.

Мужчина посмотрел на него, на меня, скривился и выдернул плечо.

— Ещё поговорим, — бросил он и вышел.

Дверь клиники хлопнула.

Он повернулся ко мне. Я стояла, глядя в раковину, тяжело дыша. Потом включила воду, начала умываться. Смывала тушь. Слезы. Всё.

Он не знал, что сказать. Просто стоял рядом. Ждал.

Я выключила воду. Вытерла лицо бумажным полотенцем. Посмотрела на себя в зеркало — и не узнала.

— Спасибо, — сказала глухо.

— Не за что.

Я вышла из туалета. Прошла в ординаторскую. Он за мной.

Я открыла шкафчик, достала сумку, начала собираться.

— Ты куда? — спросил он. — До конца смены ещё два часа.

— Я отпросилась у начальника, — сказала я, не глядя на него. — Поеду в кафе. Посижу. Успокоюсь.

— Почему не домой? — спросил он осторожно.

Я замерла. Посмотрела на него — устало, пусто.

— Потому что там он.

Он кивнул. Не стал спрашивать, кто он. И так понял.

Я сунула телефон в сумку, застегнула молнию. И вдруг сказала то, от чего он не ожидал:

— Я хочу выпить. Прямо сейчас. В кафе. До закрытия.

Он поднял бровь. Я — такая собранная, такая контролирующая себя — говорю «напиться»? Он даже не знал, что я пью вообще.

— Ты серьёзно? — спросил он.

— Абсолютно, — ответила я. Посмотрела на него прямо. — Если хочешь — можешь поехать со мной.

Он молчал.

— Первый и последний раз, — добавила я. — Сама тебе предлагаю.

Он перевёл дыхание.

— А твой муж не будет против? — спросил он, и в голосе прозвучало больше иронии, чем он хотел.

Я усмехнулась. Горько.

— Поедешь — я тебе всё расскажу. Про него. Про то, почему всё сегодня так вышло.

Он не думал долго.

— Поехали, все равно записи сегодня у меня больше нет — сказал он.

Я кивнула, повесила сумку на плечо и вышла из ординаторской.

Он — за мной...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.